

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470+571)''17/1917''+316.34/35

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

М. Н. Лукьянов

Рецензируется книга британского историка М. Рендла «Защитники Родины: дореволюционная элита в революционной России», в которой анализируется реакция российской элиты на революцию 1917 г.

Ключевые слова: элита, революция 1917 г., монархия, Временное правительство.

Советские историки обычно видели в русских правых начала XX в. политические группировки, которые субсидировались государством ради демонстрации массовой поддержки самодержавия [Йоффе, 1977, с. 308; Спирин, 1977, с. 254]. Такого рода представления, весьма далекие от исторической реальности, были результатом не столько идеологических установок, сколько отсутствия серьезных специальных исследований по истории российской правой.

В отечественной истории началась более или менее основательная разработка этой проблематики лишь с конца 1960-х гг. Работы В. С. Дякина и А. Я. Авреха, в которых подробно анализировались политические конфликты в Государственной Думе и Государственном Совете, показали, что правые политические силы не являлись инструментом в руках правительства и государя. Они обнаруживали весьма значительную степень самостоятельности и оказывали серьезное влияние на процесс принятия политических решений [Дякин, 1967; Аврех, 1968; Дякин, 1978; Аврех, 1981; Дякин, 1988; Аврех, 1989]. Указанные труды способствовали преодолению наиболее одиозных стереотипов советской историографии и тем самым подготавливали смену вех в историографии на рубеже 1980-х и 1990-х гг.

Процесс переосмысления традиционных представлений о российской правой в среде отечественных историков до известной степени был стимулирован западными исследователями, обратившими внимание на этот идейно-политический феномен гораздо раньше, чем их советские коллеги. Первая специальная работа о генезисе политической правой вышла из-под пера Х. Роггера, первую монографию о националистах подготовил Р. Эделман, первое исследование электоральных практик правых осуществил Р. Рексхейзер [Rogger, 1964a, p. 66–94; Rogger, 1964b, p. 398–415; Edelman, 1980; Rexheuser, 1980]. Однако в течение двух последних десятилетий историографическая ситуация радикальным образом изменилась: в то время как западные русисты утратили интерес к российским консерваторам, для российских авторов штудии в этой области превратились в популярнейшее поле деятельности¹.

Книга британского историка Мэттью Рендла стала приятным исключением из такого правила. Автор сосредоточил свое внимание на реакции российских элит на революцию 1917 г. Он отверг традиционное представление о том, что привилегированные страты российского общества были последовательными сторонниками самодержавия и пытались реставрировать старый порядок после революции.

Рендл доказывает, что Первая мировая война сыграла ключевую роль в отчуждении элит от монарха. По его мнению, историки переоценивают консерватизм высших слоев русского общества. На самом деле, большинство их разделяло вполне умеренные взгляды, в основном симпатизируя октябристам и националистам (р. 7). Когда председатель Постоянного совета Объединенного дворянства А. П. Струков осудил создание Прогрессивного блока, большинство дворянских объединений подвергло его выступление резкой критике. Объединенное дворянство, представлявшее самую привилегированную социальную группу, в конечном счете солидаризировалось с антиправительственной оппозицией и в начале марта 1917 г. поддержало Временное правительство в качестве легитимного представителя российского населения. Российская элита не отстаивала монархию в феврале, не пыталась восстановить старый режим и стремилась приспособиться к новой, революционной реальности.

Согласно автору, не только революционные события влияли на элиту, но и она сама влияла на революционный процесс (р. 238). Ее представители участвовали в политических преобразованиях, успешно использовали новые политические технологии и словесные формы, рожденные революцией. Они добились заметных успехов в создании многочисленных организаций, отстаивавших идеалы и ценности привилегированных групп. Рендл подробно описывает формирование и деятельность Союза офицеров-республиканцев, Советов офицерских депутатов, Союза офицеров армии и флота, Военной лиги, Союза Георгиевских кавалеров, Союза домовладельцев и других объединений, появившихся после Февраля, а также Союза землевладельцев и Объединенного дворянства, сложившихся еще до начала революционных событий. Политические ориентации этих организаций сильно разнились, иногда противоречили друг другу, однако все они занимали позиции в правой части нового политического поля. Подобно Временному правительству, они считали себя выразителями общенациональных интересов, отдавая им приоритет по отношению к интересам отдельных социальных групп (р. 241). Постепенное усиление их негативного отношения к Временному правительству было вызвано неспособностью последнего навести должный порядок на фронте и в тылу и обеспечить победу в войне.

Рендл отмечает, что саморепрезентация элит как ревнителей общенациональных интересов не помешала политическим оппонентам представить их защитниками узкоклассовых интересов. И, хотя эти обвинения не имели под собой достаточно серьезных оснований, они способствовали падению политического авторитета элитарных групп и позволили большевикам выступить в роли спасителей страны от реакции и контрреволюционного заговора.

Рендл отмечает важную роль бывших офицеров в Красной армии и Белом движении. Готовность их служить большевикам он связывает не только со страхом или стремлением продвинуться по службе, но и с естественной для военного приверженностью сильной власти безотносительно к ее политической направленности. Аналогичные склонности проявляли и офицеры-белые.

Выводы Рендла заслуживают самого серьезного внимания и могут рассматриваться как важная предпосылка дальнейшего исследования истории элит в начале XX в. Тем не менее с некоторыми из авторских суждений трудно согласиться.

Это относится прежде всего к тезису о политической умеренности российской элиты. Потомственные дворяне присутствовали во всех политических формированиях, и крайне правых, и крайне левых. Значительную роль в правом движении играли титулованные аристократы. Например, князь А. Г. Щербатов стал председателем Союза русских людей, а граф В. Ф. Доррер – главой фракции правых в III Государственной Думе. Одновременно многие представители того же социального круга присутствовали и в руководстве оппозиционных партий. Князья Павел и Петр Долгорукие, Дмитрий Шаховской входили в число «отцов-основателей» кадетской партии. И даже лидер радикального крыла РСДРП – большевиков, В. И. Ленин, был потомственным дворянином.

Объединенное дворянство выступало как важнейший элемент российской политической правой. Все без исключения съезды объединенных дворянских обществ начинались и заканчивались выражением преданности царю и династии и сопровождались аудиенцией императора избранному на съезде председателю Постоянного совета Объединенного дворянства. Тот информировал государя о решениях съезда и заверял в неизменной поддержке дворянством короны. Последняя аудиенция такого рода была дана в январе 1917 г. только что избранному председателю Совета А. Д. Самарину. Несмотря на то что руководство Объединенного дворянства в это время открыто выражало свои симпатии к Прогрессивному блоку, оно по-прежнему заявляло о верности уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Принимая председательский пост, Самарин называл уваровские принципы «дорогими основами нашей народной жизни», а самодержавие – «вековой основой русской государственности» [Вступительное слово, 1917].

Книга оставляет впечатление, что автор переоценивает роль Первой мировой войны в возникновении противоречий между элитой и царем. На самом деле эти противоречия возникли намного раньше и были тесно связаны с оппозицией Объединенного дворянства столыпинским реформам [Waldron, 1998; Бородин, 1999; Korros, 2002]. Особенно обеспокоили дворян планы «русского Бисмарка» реформировать систему местного самоуправления, угрожавшие их влиянию на местах [Дякин, 1972, с. 231–274]².

Противопоставляя правительство монарху, оппоненты Столыпина изображали себя защитниками монаршей прерогативы, на которую покушались высокопоставленные бюрократы. И, хотя

именно на последних возлагалась ответственность за реформы, едва ли Председатель Совета министров мог принимать сколько-нибудь серьезные решения вопреки воле государя. Поэтому недовольство дворянских обществ реформаторскими начинаниями определенно свидетельствовало о подозрительном отношении к царю. Преобразования, начатые в ходе революции 1905–1907 гг., давали все основания усомниться в консервативном характере его воззрений. Консерватизм государя зачастую интерпретировался дворянскими деятелями не как глубокое внутреннее убеждение, а как преходящая эмоция. Так председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ А. А. Бобринский саркастически замечал в своем дневнике в ноябре 1910 г. «Его величество, под влиянием императора Вильгельма, соизволил вернуться в Россию с довольно правым настроением» [Дневник А. А. Бобринского, с. 139].

В период войны большинство политических активных дворян, ранее критиковавших царя справа, обрушились на него слева. Этот поворот отражал общий сдвиг влево, ставший реакцией на военные неудачи весны – лета 1915 г. Непосредственными проявлениями этого сдвига стали образование в августе 1915 г. Прогрессивного блока, раскол фракции националистов. Рендл убедительно показывает, что этот поворот оказал мощное воздействие на российскую элиту. Осуждение большинством дворянских обществ выступления Струкова против блока, кризис во фракции правых в Думе, политическая эволюция В. М. Пуришкевича и его превращение в яростного критика «темных сил» стали свидетельством глубокого разочарования в существующем порядке, охватившего консервативные круги накануне Февраля.

Едва ли это разочарование может интерпретироваться как проявление стремления разорвать с монархией и авторитаризмом. Российские консерваторы их не отвергали; речь шла лишь о недовольстве практической реализацией традиционных для страны политических принципов и форм. С одной стороны, это выразилось в недовольстве самим государем: консерваторов раздражала неадекватность его своей роли [см.: *Podbolotov*, 2004, р. 105–120; *Колоницкий*, 2010], с другой – в неприятии политического порядка, сложившегося в результате революции 1905–1907 гг. С точки зрения консерваторов, бюрократия, лишенная русских корней, чуждая русской политической традиции, стала играть в политической жизни страны слишком значительную роль. Эти обстоятельства не меньше, чем разногласия по конкретным политическим вопросам, объясняют то поразительное равнодушие к судьбе монархии и династии, которое проявили консерваторы в феврале 1917 г.

Определенные сомнения вызывает и авторская методология. В книге Рендла отсутствует четкое определение элиты и ее структуры. В отдельных фрагментах монографии он описывает реакцию и поведение дворян, землевладельцев и офицеров как особых привилегированных групп. Такой подход выглядит явно непоследовательным. Бесспорно, владение землей и военная служба с незапамятных времен являлись важнейшими характеристиками российской элиты. Однако автор лишь затрагивает другую важнейшую область ее профессиональных занятий – государственную службу. Вероятно, наиболее логичный выход из этой ситуации мог бы заключаться в анализе политического поведения элиты в целом на основе материалов Объединенного дворянства и выявлении специфических характеристик отдельных профессиональных групп, в которых удельный вес дворян был особенно велик.

Не вполне удачно и название книги. По-видимому, автор хотел подчеркнуть, что его герои считали себя защитниками интересов страны в целом, а не ее высших классов. Однако «Родина» как ключевое слово звучит в этом контексте не совсем корректно. Гораздо более подходящим было бы «Отечество». Возможно, Рендл стремился избежать коннотаций с немецким «Vaterland», но, используя термин «Родина», он невольно модернизирует политический дискурс изучаемого периода. «Родина» станет одним из ключевых понятий пропаганды намного позже, уже в советское время, особенно в период Второй мировой войны. Что касается Первой мировой войны, то для этого времени более характерным представляется понятие «Отечество» – составная часть старинного воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество!» (в другом варианте – «За Бога, Царя и Отечество!»).

Впрочем, несмотря на отмеченные неточности, достоинства книги британского историка намного перевешивают ее недостатки, и труд М. Рендла с полным основанием может рассматриваться как серьезный вклад в изучение истории российской элиты и политической правды в начале XX в.

Примечания

¹ Подробнее об отечественной историографии российского консерватизма 1990–2000-х гг. см. [Hamburg, 2005, p. 107–127; Минаков, 2005, с. 133–142].

² Стоит заметить, что А. Д. и Ф. Д. Самарины участвовали в специальной комиссии московского дворянства, созданной для обсуждения правительственного проекта местной реформы. Заключение комиссии легло в основу доклада Ф. Д. Самарина IV съезду Объединенного дворянства в марте 1908 г. В его резолюции говорилось, что реформа «представляется во всех отношениях нежелательной и нецелесообразной, а ввиду переживаемых нашим Отечеством политических обстоятельств и тяжелого экономического кризиса ее нельзя не признать особенно несвоевременной и вредной» [Объединенное дворянство, 2002, с. 592].

Библиографический список

- Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution; The Nationalist Party, 1907–1917. New Brunswick, 1980.
- Hamburg G. M.* The Revival of Russian Conservatism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6, № 1.
- Korros A. S.* Reluctant Parliament: Stolypin: Nationalism and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911. Lanham, 2002.
- Podbolotov S.* Monarchists against their Monarch: The Rightist Criticism of Tsar Nicholas II // *Russian History / Histoire russe*. 2004. Vol. 31, № 1–2.
- Rendle M.* Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford: Oxford University Press, 2010. XII.
- Rexheuser R.* Dumawhalen und lokalen Gesellschaft: Studien zur Sozialgeschichte der Russischer Rechten vor 1917. Köln; Wien, 1980.
- Rogger H.* The Formation of the Russian Right // *California Slavic Studies*. 1964a. № 3.
- Rogger H.* Was There a Russian Fascism? The Union of Russian People // *Journal of Modern History*. 1964b. Vol. 36, № 4.
- Waldron P.* Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. De Kalb, 1998.
- Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968.
- Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума, 1912–1914. М., 1981.
- Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
- Бородин А. П.* Государственный Совет России (1906–1917). Киров, 1999.
- Вступительное слово Председателя постоянного Совета Объединенных Дворянских обществ А. Д. Самарина, сказанное в заседании Совета 12 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 87.
- Дневник А. А. Бобринского, запись 24 ноября 1910 г. // Красный архив. 1928. Т. 26.
- Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
- Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
- Дякин В. С.* Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972.
- Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967.
- Йоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- Колоницкий Б. И.* Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
- Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции // Отечественная история. 2005. № 6.
- Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. 1906–1908. М., 2002.
- Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920-е гг.). М., 1977.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2011